

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕМЕЦКИХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИДАТОЧНЫМИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫМИ

© 2005 Е.Г. Скребова

Воронежский государственный университет

По традиции, восходящей еще к ранним описаниям немецкого языка, известные разряды сложных предложений принято рассматривать исключительно на основании формальных критериев, о чем свидетельствуют существующие в германистике дефиниции. Так, сложносочиненные предложения (= die Satzverbindung, die Koordination, die Parataxe) обыкновенно определяются как объединение грамматически равноправных, имеющих одинаковую степень самостоятельности предложений, которые связываются в единое целое посредством сочинительных союзов (= die Konjunktionen). Сложноподчиненные предложения (= das Satzgefuege, die Hypotaxe) трактуются как объединение двух и более синтаксически неравноправных предложений, из которых одно (придаточное) находится в положении зависимости от другого (главного), причем показателями несамостоятельности придаточного здесь служат подчинительные союзы. Таким образом, классификация сложноподчиненных предложений основывается на учете функции придаточных, в результате чего систематизируются не сложноподчиненные предложения как таковые, а именно придаточные (ср.: „Ergaenzungssaetze“ – “сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными”, „Temporalsaetze“ – “сложноподчиненные предложения с придаточными времени”, „Lokalsaetze“ – “сложноподчиненные предложения с придаточными места”; „Kausalsaetze“ – “сложноподчиненные предложения с придаточными причины”; „Konditionalsaetze“ – “сложноподчиненные предложения с придаточными условными” и так далее) [1, 6-7; 2, 377-378]. Что касается бессоюзных сложных предложений (= die asyndetische Satzverbindung), то единого мнения относительно их интерпретации не сложилось. Одни исследователи рассматривают их в качестве особой разновидности сложносочиненных предложений. В предложениях типа *An der Ecke steht ein Mann, er raucht eine Zigarette* (На углу

стоит какой-то человек, он курит сигарету); *Es war furchtbar kalt, da habe ich mir einen Anorak angezogen* (Было ужасно холодно, и при этих обстоятельствах я одел анорак) местоимения и наречия выделяются в особую группу языковых средств, выполняющих функции связующих элементов текста и оказывающихся аналогами сочинительных союзов [3, 401]. Другие ученые относят предложения типа *Waere das Wetter morgen besser, so wuerden wir auf Landfahren* (Если бы завтра погода стала лучше, то мы поехали бы за город); *Haettest du deinen Eltern helfen wollen, haettest du das laengst getan* (Если бы ты захотел помочь своим родителям, ты давно сделал бы это) к сложноподчиненным предложениям. В прошлом эти конструкции представляли собой сложноподчиненные предложения, однако в целях экономии речевых усилий носители языка часто опускали подчинительный союз, который при желании может быть легко восстановлен [4, 128].

Неопределенность исходных понятий, сведенных к простому указанию на репрезентирующую их форму, является причиной того, что при описании конкретных видов сложных предложений, по замечанию Р. Гусмана Тирадо, “целиком и полностью стираются границы между смыслом (содержанием, выраженным совместно языковыми и неязыковыми средствами) и семантикой (элементами смысла, присвоенными и освоенными языком)” [5, 7]. Дело в том, что при анализе описываемого языкового явления исследователь не может ограничиться простым перечислением формирующих его синтаксических средств, а так или иначе вынужден обратиться к его содержательным свойствам.

В последнее время немецкие лингвисты предпочитают рассматривать сложное предложение в рамках концепции, выдвинутой Н. Хомским, согласно которой синтаксическая система языка может быть разбита на ряд подсистем, из которых одна является ядерной, исходной, а все другие – ее производными. Ядерная подсистема

представляет собой набор элементарных типов предложений, любой сколько-нибудь сложный синтаксический тип представляет собой трансформ одного или нескольких ядерных типов, т. е. известную комбинацию ядерных типов, подвергнутую ряду преобразований [6]. Однако ученые модифицируют предложенную Н. Хомским концепцию. В отличие от последнего они выделяют три семантических класса, организуемые на основе одной из наиболее значимых текстосемантических составляющих – взаимодействия (= *die Handlungs – Beziehung*) между автором и адресатом текста¹. Первый семантический класс образуют сложносочиненные предложения, которые репрезентируют соединительные (*copulative*), разделительные (*disjunktive*) и противительные (*adversative*) отношения. Второй семантический класс, представляющий модальные отношения (= „*Modalverhaeltnisse*“), включает в себя сложноподчиненные предложения с придаточными обстоятельственными, образа действия, сопоставительными и инструментальными, поскольку речь в них идет о детальной характеристике (комментировании, спецификации) одной из соотносимых ситуаций, определенном способе действия или степени проявления какого-либо признака. Третий семантический класс образуют сложноподчиненные предложения с придаточными уступительными, целевыми, следственными, причинными и условными, выражающие условные отношения (= „*Konditionalverhaeltnisse*“ в широком понимании, так как в основе данных сложноподчиненных предложений лежит признак “достаточного основания” („*Bedingung – Bedingtes – Relation*“). В дальнейшем выделенные классы сложных предложений анализируются по непосредственно составляющим [7, 286-277; 8, 60].

Однако и в этом случае лингвистическим “поводырем” оказывается смысл, вступающий в противоречие с семантикой грамматических форм.

В нашей работе при дифференциации обстоятельственных отношений мы опираемся на гипотезу, выдвинутую А. М. Ломовым и Р. Гусманом Тирадо, согласно которой различия между подчинением, сочинением и бессоюзным соединением следует искать в используемых ими способах организации и распределения информации [9, 54-65].

По замечанию А. М. Ломова и Р. Гусмана Тирадо, факт асимметрии языкового знака оп-

ределяет существо лингвистического анализа, который оказывается поставленным в жесткие рамки: “он может двигаться либо только от формы к сигнализируемым ею значениям (формально ориентированный способ координации языковых планов), либо только от значения к репрезентирующим его формам (содержательно ориентированный способ координации языковых планов)” [9, 54]. Эти способы нельзя оценивать только “хорошо” или только “плохо”, так как они отвечают потребностям различных этапов единого процесса познания языка и, по выражению А. М. Ломова, “исторически и логически предполагают друг друга”.

На начальном этапе изучения какого-либо билатерального языкового объекта у исследователя нет иного пути, как подчиниться логике формально ориентированного способа. Он позволяет создать общую картину изучаемого фрагмента языковой действительности, элементная классификация которого осуществляется посредством выделения формальных образцов, обладающих определенным содержательным потенциалом. Давая оценку формально ориентированному способу координации языковых планов, А. М. Ломов и Р. Гусман Тирадо в своей статье отмечают, что с точки зрения конечных результатов этот способ явно недостаточен, так как он “не может вскрыть внутреннюю сущность анализируемых явлений и в силу этого оставляет вне поля зрения те переходные случаи, когда внешне похожие феномены относятся – в соответствии с передаваемым ими содержанием – к разным разрядам, а внешне различные, напротив, представляют собой лишь варианты одного разряда” [9, 55].

Данное обстоятельство делает необходимым обращение к содержательно ориентированному способу, который предполагает, что исследователь, основываясь на результатах, полученных в рамках формально ориентированного способа, повторит классификационную обработку эмпирического материала, имеющую на этот раз целью установление типовых содержательных схем, выраженных разными формами [9, 55].

Таким образом, исходя из сказанного выше, основным способом организации информации при подчинительной связи является так называемое включение. Включение двувариантно: информация, передаваемая придаточным, включается в информацию главного – включение-I (*Als ich am folgenden Morgen zur Schule ging, fand ich sie jedoch zusammengerollt auf Sofa* – Когда я на следующее утро пошла в школу, я нашла ее свернувшейся калачиком на диване; *Er ueberlegte: Wenn ich Glueck hab, ist die Schule fuer mich vorbei...* – Он размышлял: “Если мне посчастливится, со

¹ Под текстом здесь понимается речевое произведение, построенное на основе соответствующих языковых закономерностей и при определенных условиях оказывающееся равным предложению [7, 33].

школой будет покончено...”) или, наоборот, информация, сообщаемая главным предложением, включается в информацию придаточного — включение-II (*Man konnte ihn jederzeit zu einer Besorgung in den Keller schicken, wohin sich die anderen Kinder kaum mit einer Lampe wagten...* — Его можно было в любое время за любым делом послать в подвал, куда другие дети едва решались входить с фонарем...; *Die andern sahen die Familiengruppe, nahmen sie wahr, loesten sich von ihr, so daß die Geschwister Oppermann fuer sich saßen* — Гости замечают семейную группу, отходят в сторону, так что семья Опперман остается в своем кругу). Таким образом, придаточное, по выражению Р. Гусмана Тирадо, “всегда остается в вассальной зависимости” от главного, но по разным причинам: либо потому, что оно обязано восполнить информационную недостаточность последнего, либо потому, что оно вынуждено усваивать информацию, передаваемую главным предложением [5, 10].

С учетом двух разных вариантов включения, А. М. Ломов и Р. Гусман Тирадо предлагают различать автосемантические (имея в виду их самодостаточность с точки зрения передаваемой информации) и синсемантические (поскольку их информация недостаточна без учета информации главного предложения) придаточные.

Сочинение соответственно понимается как упорядочение информации на основе соположения двух и более информационных блоков, интерпретируемых как одноранговые, но не обязательно равноправные феномены, в результате чего “части сложного предложения — репрезентанты этих блоков — сохраняют способность к автономному употреблению” [9, 57-58]. Ср.: *Von drauss’, vom Walde da komm ich her, und ich muss euch sagen, bald waechst da nix mehr...* — Оттуда, из леса я пришел сюда, и должен сказать вам, что скоро там больше ничего не будет расти; *Man nahm mich von der Schule und steckte mich in ein Maedchengymnasium, das von Ursulinerinnen geleitet wurde, und ich verhielt mich angepaßt und artig* — Меня забрали из школы и определили в женскую гимназию при монастыре урсулинок, и я вела себя подобающим образом и была послушной.

Употребление бессоюзия в конкретных речевых условиях осознается как аналогичное способам, работающим в рамках подчинения и сочинения (*Der Mai ist gekommen, die Baeume schlagen aus* — Май наступил, деревья распускаются; *Vertrauen ist gut, Kontrolle ist besser* — Доверие — это хорошо, контроль — лучше), или же как отличный от них (*Damals im Fruehjahr 1993 war Engholm, das Opfer der Barschel-Tricks, zum Hoffnungstrager der SPD avanciert: jung, geistreich, ein Schoengeist, offen und ehrlich — der idealer*

Kanzlerkandidat — Тогда, весной 1993 Энгольм, жертва уловок Баршеля, позиционировался в качестве надежды СДПГ: молодой, остроумный, эстет, открытый и честный — идеальный кандидат на пост канцлера). Его специфика состоит в том, что необходимые сведения об организации информации в сложном предложении реципиент получает не прямым путем, то есть от специальных словесных знаков, а косвенным, с учетом реальных отношений, существующих между соотносимыми ситуациями, различных пресуппозиций, сопутствующих речевому акту, и опыта человеческого сознания [9, 58].

Возвращаясь к интересующим нас сложноподчиненным предложениям, нужно сказать о следующих, важных для понимания их сущности, моментах:

Во-первых, придаточные авто- и синсемантические используют принципиально разные средства связи. Так, автосемантические придаточные предполагают употребление союзов, а синсемантические — лексических элементов с анафорическим значением, иначе именуемых союзными словами. Как отмечают А. М. Ломов и Р. Гусман Тирадо, “никакого компромисса эта закономерность не терпит” [9, 58].

Во-вторых, авто- и синсемантические придаточные имеют разный характер функциональной направленности: союзы определяют функцию автосемантического придаточного, в которое они включены, по отношению к главному; союзные слова указывают на функцию главного предложения по отношению к синсемантическому придаточному, хотя формально и остаются за рамками главного. Данное обстоятельство имеет два важных следствия. Первое состоит в том, что союзы являются лишь грамматическими квалификаторами придаточной части, тогда как союзные слова оказываются не только грамматическими квалификаторами главной части, но и членами предложения в придаточной [9, 59]. Второе заключается в том, что включение первого рода предполагает постановку вопроса от главной части (*Da sie vor dem Morgen nach Hause wollte, lohnte es nicht, erst einzuschlafen* — Так как она собиралась вернуться домой до рассвета, засыпать не стоило — *Warum lohnte es nicht, erst einzuschlafen?* — Не стоило засыпать почему?; *Sie ist nach Bonn gefahren, um sich bei der Flak zu melden* — Она поехала в Бонн, чтобы вступить в зенитные войска — *Mit welchem Zweck ist sie nach Bonn gefahren?* — С какой целью она поехала в Бонн?), включение второго рода — от придаточной (*Es war schon dunkel, als ich in Bonn ankam...* — Уже стемнело, когда я приехал в Бонн... — *Wann kam ich in Bonn an?* — Когда я приехал в Бонн?; ... *und die schweren Autobusse schmettern und stampfen vorueber, hinaus in die gruenen Vorstaedte, wo*

der englische Rotdorn blüht — ... и тяжелые автобусы, оглушительно грохоча, медленно проезжают мимо на волю, в зеленый пригород, где цветет английский боярышник — *Wo blüht der englische Rotdorn?*— Где цветет английский боярышник?).

В-третьих, порядок расположения, допустимый в сложных предложениях с авто- и синсемантическими придаточными, также является различным. Включение-I “разрешает” постановку придаточного в пре-, пост- или интерпозиции. Для включения-II обычна постпозиция придаточного. Ср. предложения *Obwohl zwei Leute, unabhaengig voneinander, diesen Fall der Staatsanwaltschaft mitgeteilt und sich als Augenzeugen angeboten hatten, war bisher noch nichts gegen Zwischenzahl unternommen worden* (Несмотря на то что двое людей, независимо друг от друга, рассказали об этом случае государственному адвокату и вызвались быть свидетелями, в отношении Цвишенцала до сих пор ничего не предприняли); *Ich glaube, Sie machen nur so einen trostlosen Eindruck, weil Sie immer durch diese grauenhafte Gasmaskenbrille sehen muessen* (Я думаю, вы производите такое грустное впечатление только потому, что вам все время приходится смотреть сквозь эти запотевшие стекла противогаза); *Deshalb, weil ich es wissen wollte — und zwar von Konny direkt, — habe ich mich in der Naehе meiner Ehemaligen in einem Hotel mit Seeblick einquartiert* (Потому, что я хотел это знать именно от Конни, я поселился в одном отеле с видом на море неподалеку от моей бывшей), с одной стороны, и предложения *Sie (die Katze) fraß, daß es knirschte, und ihre Augen funkelten* (Она (кошка) ела так, что за ушами трещало, а глаза сверкали); *Dann kam Marie auf den fuerchterlichen Gedanken, mit mir Ferien zu machen an einem Ort, wo Kuenstler Urlaub machen* (Затем у Марии возникла кошмарная идея провести отпуск в таком месте, куда приезжают отдыхать художники), с другой.

Особо следует отметить тот факт, что вопрос об авто- и синсемантике в немецком сложноподчиненном предложении уже рассматривался германистами.

Так, в 70-е годы Е. В. Гулыга предложила различать потенциально-автосемантические и структурно-синсемантические предложения. Потенциально-автосемантические предложения — это такие предложения, которые “по количеству и характеру членов предложения могли бы функционировать как самостоятельные и совпадают с ними по построению” [10, 18]. Потенциально-автосемантическими в подавляющем большинстве случаев являются главные предложения при пост- или интерпозиции придаточного. Структурно-синсемантическим главное предложение становится в том случае, если в его

состав входят элементы, указывающие на необходимость присоединения придаточного предложения, а именно: структурные и формально-союзные корреляты [10, 21].

По утверждению Е. В. Гулыги, придаточные предложения почти всегда являются структурно-синсемантическими. Признаками структурной синсемантики придаточного служат союзные средства и порядок слов — особая рамка, образуемая союзом или союзным словом и подлежащим, с одной стороны, и группой сказуемого, с другой. Потенциально-автосемантические придаточные встречаются крайне редко и возникают в результате сепаратизации, то есть отщепления придаточного предложения от главного [10, 23-27; 11, 318].

Такое понимание автосемантики/синсемантики в сложноподчиненном предложении вызвало ряд критических замечаний. Например, В. Хартунг в своей работе “Die zusammengesetzten Saetze des Deutschen” высказывает мысль о том, что данная интерпретация сложноподчиненных предложений основывается на вторичных внешних признаках и с ее помощью нельзя объяснить ни сущность сложноподчиненных предложений, ни закономерности, лежащие в основе их образования [12, 5].

Таким образом, немецкие лингвисты отказались от дифференциации придаточных предложений по признаку “автосемантические”/“синсемантические”, вернувшись к традиционной классификации с той только разницей, что придаточные в конструкциях, где смысловая и грамматическая зависимость не совпадают, вычленяются в особый тип так называемых „weiterfuehrender Nebensaetze“ [13; 3]. По определению Г. Хельбига и И. Буша, “weiterfuehrende Nebensaetze” опираются на всю информацию главной части так, что информация, передаваемая этими придаточными, оказывается явно недостаточной без информации главной.

Формальными признаками “weiterfuehrender Nebensaetze” являются союзные слова (= Prowoerter), отсутствие коррелятов в главной части, обязательная постпозиция придаточного: *Sie waren noch nicht weit marschirt, als ihnen ein rufendes Weib nachlief* — Они не прошли еще и нескольких шагов, как их догнала какая-то кричащая женщина; *Es dunkelte schon, als Zwischenzahl das Haus verließ* — Уже темнело, когда Цвишенцаль покинул дом; *Leo war sechs oder sieben, ich acht oder neun, als er im Pferdeschuppen ein Stueck Holz fand, den Rest eines Zaunpfahles, er hatte auch eine verrostete Saegel im Schuppen gefunden und bat mich, mit ihm gemeinsam den Pfahlrest durch zu saegen* — Лео было лет шесть или семь, мне восемь или девять, когда он нашел в конюшне дос-

ку — остаток старого забора, — там же он нашел ржавую пилу и попросил меня с ним вместе эту доску распилить.

Противопоставление автосемантии и синсемантии неодинаково проявляется в рамках исследуемых сложноподчиненных предложений с обстоятельственными придаточными.

Прежде всего необходимо иметь в виду, что сложноподчиненные предложения с обстоятельственными придаточными распадаются на два блока, а именно: сложноподчиненные хронотопные и сложноподчиненные генеративные предложения.

По традиции, восходящей еще к ранним описаниям немецкого языка, предложения, репрезентирующие временные и локальные (пространственные) отношения, принято рассматривать как два самостоятельных типа, которые относятся к разным классам сложноподчиненных предложений. Так, временные предложения обыкновенно относят к классу т. н. сложноподчиненных обстоятельственных предложений (= *Angabesaetze*), в которых одна из частей называет ситуацию, обозначающую разного рода обстоятельства, сопутствующие осуществлению другой ситуации, тогда как локальные предложения причисляют к классу сложноподчиненных определительных предложений (= *Attributsaetze*), в которых придаточное выполняет функцию квалификатора предмета, названного субстантивом в главной части предложения [7, 286-287]. Таким образом, категории времени и пространства в языке оказываются никак не связанными друг с другом. Между тем в действительности дело обстоит совсем иначе. По замечанию Н. К. Гея, “динамика временных элементов присутствует в динамике пространственных объемов и отношений” [14, 253].

Впервые на взаимосвязь времени и пространства обратил внимание М. М. Бахтин, который ввел понятие **хронотопа** (что значит в дословном переводе “времяпространство”). Данное понятие было перенесено в литературоведение почти как метафора. Огромное значение здесь имеет неразрывность времени и пространства. Ученый писал: “Хронотоп мы понимаем как формально-содержательную категорию литературы. В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп” [15, 4]. Впоследствии эта концепция хронотопа была освоена литературоведением в полном объеме. Например, Н. К. Гей подчеркивает:

“Образное содержание предполагает, что оно соотнесено с кем-то, имело место где-то и когда-то. Это три исходные величины, с которыми имеет дело писатель, “три измерения” художественного мира, не мыслимого без каждого из них, как и реальная действительность” [14, 252].

Что касается лингвистики, то идея взаимобусловленности категорий времени и пространства долгое время не находила в ней отклика. Правда, в последние годы стали появляться работы, посвященные этой проблеме.

В нашей работе мы объединяем временные и локальные предложения в единый блок сложноподчиненных хронотопных предложений на том основании, что они образуют локально-временную рамку, показывая среду, в которой развивается ситуация. В их основании лежит дейктический принцип, т. е. одна из соотносимых в сложном предложении ситуаций всегда является ориентационной для другой.

Дифференциация сложноподчиненных предложений времени в немецком языкознании развивается в двух направлениях.

В первую очередь временные значения различаются с учетом функции репрезентирующих их языковых средств, которые могут обозначать момент времени, длительность, начало или конец реализации действия, кратность. Так, например, выделяются следующие группы наречий времени (= *Temporaladverbien*): наречия, выражающие время реализации действий (иначе — “наречия временной локализации”); наречия, указывающие на направление развертывания событий относительно момента речи; наречия, выражающие продолжительность действий или состояний (“наречия измерения времени”); наречия, выражающие кратность действий [16, 65; 13, 345; 3, 293]. К первой группе относятся наречия типа *jetzt, gerade, heute, morgen, gestern, neulich, damals, einstmals, bald, wann* и др., ко второй группе — наречия типа *vorher, zuvor, nachher, hinterher, darauf* и т. п., к третьей — наречия типа *lange, immer, stets, tagsueber, wochenlang, allezeit* и т. д., к четвертой — наречия типа *regelmäßig, oft, zeitweise, manchmal, montags, dienstags, abends, nachts* и им подобные.

Что касается сложноподчиненных предложений, выражающих временные отношения, то их разграничение дается через классификацию союзов, которые делятся на три группы. Две первые группы образуют союзы, передающие собственно временные и длительно-временные отношения. В третью группу входят союзы, указывающие на кратность соотносимых в предложении ситуаций, а также на начальную и конечную границу ситуации главной части. Характеризуя немецкие временные союзы (=

temporale Konjunktionen), Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс отмечают: “Их задача заключается в конкретизации значения одновременности — одновременности в отношении порядка следования действий, длительности, кратности, повторности, временного интервала и др.” [16, 58]. Однако данная классификация оказывается неоправданной, поскольку в третью группу включены союзы, представляющие разные варианты собственно временных и длительно-временных союзов. Таким образом, если убрать противоречия, то следует говорить не о трех, а только о двух группах временных союзов.

В последние годы стали появляться работы, в которых для дифференциации временных значений в интересующих нас сложноподчиненных предложениях используется два критерия. Так, У. Браунер (вслед за Х. Неспиталем) подчеркивает, что сложноподчиненные предложения времени (= temporale Satzgefüge) в первую очередь дифференцируются по трем основным типам временных отношений, в которых могут находиться глагольные действия главной (= uebergeordneter Satz) и придаточной (= Temporalsatz) частей. При этом в качестве ориентира, по мнению У. Браунера, выступает, как правило, придаточная часть, по отношению к которой действие главной части может быть квалифицировано как одновременное с действием придаточного, следующее за ним или предшествующее ему. В качестве второго критерия дифференциации сложноподчиненных предложений времени используется вопрос, на который отвечает содержание сложного предложения, а именно *wann?* (когда) *seit wann?* (с каких пор) *wie lange?* (как долго) *bis wann?* (до каких пор) [17, 74]. Таким образом, сложноподчиненные предложения с придаточными собственно временными, фиксирующими момент, когда осуществлялась ситуация главной части, противопоставляются сложноподчиненным предложениям с придаточными длительно-временными, уточняющими, как долго существовала ситуация главной части. Ср. предложения *Als die deutschen Jagdflieger 1940 London und den Sueden Englands bombardierten, schien es am Rande der Vernichtung* (Когда в 1940 немецкие истребители бомбили Лондон и юг Англии, казалось, что Англия находится на грани полного уничтожения); *Nachdem wir die gigantischen Einkaufszentren und Wolkenkratzer gebuehrend besichtigt... hatten, beschlossen wir, die weniger amerikanisierten Teile Hongkongs aufzusuchen* (После того как мы, как полагается, осмотрели гигантские торговые центры и небоскребы... мы решили поискать менее американизированные части Гонконга); *Noch bevor*

die Geschichte richtig begann, war er fuer Mary schon zur Nebensache geworden (Еще до того как эта история по-настоящему началась, он сделался для Мари чем-то второстепенным), с одной стороны, и предложения *Solange Ruth in Wuerzburg gewesen war, hatte David sie selten und nie laenger als Minuten besucht* (Пока Рут была в Вюрцбурге, Давид изредка навещал ее, но не задерживался дольше, чем на минуту); *Ich hoerte ihn die ganze Zeit ueber, waehrend ich auf Marie wartete, da oben im Schlafzimmer husten...* (Все время, пока я ждал Марию, я слышал, как он кашлял там наверху, в спальне...), с другой.

Во вторую очередь дифференциация временных значений связана с выделением автосемантических и синсемантических придаточных, которые в рамках интересующих нас сложноподчиненных предложений используются для указания на смену временного ориентира. Так, в структурах с автосемантическими придаточными в качестве ориентира используется ситуация придаточного, по отношению к которой ситуация главного может быть одновременной (*Als ich neulich alte Papiere durchsah, fand ich zufaellig ihren 1918 noch im Namen Kaiser Karls von Oesterreich ausgestellten Paß, den sie — wie die Eintragungen und Stempel bezeugen — bis 1922 benutzt hat* — Когда я недавно перебирала старые бумаги, случайно нашла ее паспорт, выписанный еще в 1918 году именем кайзера Карла Австрийского, которым она, как свидетельствуют штампы, пользовалась до 1922 года), следовать за ней (*Nachdem Florian atemlos sein Sparschwein geoeffnet und umstaendlich sein Geld gezaehlt hatte, eilte er zum Telefon zurueck...* — После того как Флориан, затаив дыхание открыл свою копилку и тщательно пересчитал деньги, он поспешил обратно к телефону...), предшествовать ей (*Kurz bevor ich Berlin verließ, traf ich in un serem Verlagshochhaus auch schon die ersten Wassertraegerinnen im Fahrstuhl* — Незадолго до того, как я покинул Берлин, я уже встретил в лифте нашего издательского дома первых женщин с бутылками питьевой воды). В структурах с синсемантическими придаточными в функции ориентира выступает ситуация главного, по отношению к которой ситуация придаточного может квалифицироваться как одновременная (*Schon wollte er ein zweites Mal durch den Gang, als in den Hinterhaeusern Schuesse krachten* — Он уже хотел во второй раз перебежать через проход, когда за домами раздались выстрелы) или как следующая за ней (*Er hatte gerade die Kerze am Talglicht des Treppenhauses angezueudet, um sich den Weg hinauf zur Wohnung zu beleuchten, als er unten im Erdgeschoß klingeln hoerte* — Только что он зажег свечу на лестнице, чтобы осветить себе путь наверх к квартире, как внизу раздался звонок).

Необходимо иметь в виду, что смена временного ориентира носит исключительно грамматический характер. “Физически”, то есть с точки зрения смысла, ориентационная ситуация остается одной и той же. Показать это можно на следующем примере. Предположим, у нас есть две ситуации *Ich fuhr weg* – Я уезжал и *Sie telefonierte* – Она звонила по телефону. Допустимо двоякое оформление их временного соотношения: *Als ich wegfuhr, telefonierte sie (gerade)* – Когда я уезжал, (в это время) она звонила по телефону и *Ich bin weggefahren, als sie (gerade) telefonierte* – Я уезжал, когда (в это время) она звонила по телефону. Грамматическое представление данных ситуаций изменилось, а ориентационный характер ситуации (*Ich fuhr weg* – Я уезжал) сохранился. Наоборот, когда ориентиром становится другая ситуация (*Als sie telefonierte, bin ich (gerade) weggefahren* – Когда она звонила по телефону, (в это время) я уезжал), резко меняется смысл и, стало быть, подобные явления к обсуждаемым нами грамматическим проблемам отношения не имеют.

Что касается сложноподчиненных локальных предложений, то в современной германистике сложился иной подход к их интерпретации. Как уже говорилось выше, их принято относить к сложноподчиненным определительным предложениям (или в немецкой терминологии “die Attributsaetze”), функционирующим на основе относительно-вопросительного вида подчинения, при котором зависимая часть сложного предложения представляет собой косвенный вопрос, вводимый, как правило, относительными местоименными словами на *w-* (= die Relativpronomen) типа *wer* (кто), *was* (что), *welcher* (который), *wo*, *woselbst* (где), *wohin* (куда), *woher* (откуда), *wann* (когда) и т. д. Характеризуя эти предложения, Е. В. Гулыга отмечает: “В отличие от союзной связи относительная связь не вскрывает семантико-синтаксических отношений между главным и придаточным предложениями. Эти отношения определяются как общим смыслом всего сложноподчиненного предложения, так и содержанием и построением придаточного” [10, 123].

При таком подходе локальные отношения в рассматриваемых сложноподчиненных предложениях интерпретируются следующим образом. В предложениях с локальными придаточными указывается на местонахождение, исходный и конечный пункты перемещения. При этом такое указание реализуется в том случае, когда опорное слово – имя существительное с конкретно-предметным значением места *der Wald* (лес), *der Garten* (сад), *das Tal* (долина), *das Ufer* (берег), *das Zimmer* (комната), *das Hotel* (гостиница), *das*

Theater (театр), *die Kirche* (церковь) или имя собственное (обычно географическое название, реже имя лица) *das Amerika* (Америка), *Las Vegas* (Лас-Вегас), *das England* (Англия) – при условии его повторения в последующем предложении должно было бы выполнять функцию детерминирующего обстоятельства места [10, 124; 7, 286; 3, 431]. Например: *Sie gingen zum Flußufer, wo (am Flußufer) sie bei der Bruecke verabredet waren* – Они направлялись к берегу реки, где (на берегу реки) возле моста они договорились встретиться; *Aber hier saßen nicht nur ein Soldat aus Amerika, wo (in Amerika) die Dienstmaedchen Autos haben, und ein Kind des bis ins Herz zerstoerten Deutschland* – Но здесь сидели не только один солдат из Америки, где (в Америке) горничные имеют машины, но и ребенок разрушенной до самого основания Германии.

В последнее время, однако, сложноподчиненные локальные предложения выделяются в самостоятельный тип, правда с одной оговоркой: если союзное слово реализуется в зависимой позиции, т. е. относится к обстоятельству места или к дополнительному коррелятивному элементу, то речь здесь идет уже не о конструкциях с локальными придаточными, а с придаточными определительными [13, 603]. Ср. предложения *Wo frueher das dunkelrote boese Auge funkelte, quole purpurner Qualm bis zu den Regenwolken empor, schon waren die Raender der Wolken von der duesteren Glut gefaerbt* – Где раньше отсверкивал темно-красный злой глаз, до самых грозовых облаков поднимался густой пурпурный дым, края остальных облаков уже были расцвечены сумеречным светом и *Am liebsten waere er gleich weggegangen nach Sueden, dorthin, wo man die neuen Techniken lernen konnte, von denen ihm der Alte gesprochen hatte* – Больше всего ему хотелось бы уехать на юг, туда, где можно изучить новые технические приемы, о которых рассказывал старик.

На наш взгляд, данная точка зрения является не вполне оправданной. В приведенных выше примерах речь в действительности идет о характере репрезентации локальных отношений, а не о смене типа придаточного. Локальные отношения между частями непосредственно устанавливаются только при условии, что придаточная часть употребляется в независимой позиции. Если же придаточное относится к обстоятельству места, положение дел резко меняется. В этом случае локальные отношения как таковые устанавливаются на уровне обстоятельств места, а придаточное лишь уточняет, где именно осуществлялось действие или в каком именно направлении перемещался какой-либо предмет.

Что же до связи локальных предложений с определительными, то, по наблюдениям

А. М. Ломова, они действительно смыкаются с последними в том смысле, что “указывают на определяемый предмет не прямо, а посредством констатации его функции – локальной (*где, куда, откуда*)...” [18, 210].

Сложноподчиненные локальные предложения представляют собой конструкции с синсемантическими придаточными. Отсюда, в функции ориентира здесь выступает ситуация главной части: *Noch bevor die Nacht um war, wurde er wieder in den Raum gebracht, wo man ihn aufgenommen hatte* – Еще до рассвета его вновь привели в помещение, где происходил первый допрос; ... *und ich spuerte, daß gerade dieser geschmacklosen Kerze wegen meine Zaerlichkeit fuer Monika Silvs sich bis nahe an den Punkt ausdehnte, wo meine unselige Veranlagung zur Monogamie mir Grenzen gesetzt hat* – ... но я почувствовал, что именно от этой безвкусной свечи моя нежность к Монике Зильвс приближается к той грани, переступить которую мне не дает злосчастная склонность к моногамии; *Drueben am Parlamentspalast, wo die Gasse eine Biegung machte, verlor er ihn aus den Augen und war außerordentlich erleichtert* – На той стороне реки, у здания Парламента, где переулочек делает поворот, он потерял его из виду и испытал чрезвычайное облегчение.

То обстоятельство, что сложноподчиненные предложения с придаточными причинными (= Kausalsätze), условными (= Konditionalsätze), уступительными (= Konzessivsätze), следственными (= Konsekutivsätze) и целевыми (= Finalsätze) образуют один блок, было замечено немецкими лингвистами уже давно. Так, К.-Е. Гейдольф, В. Флемиг, В. Мотш в своей грамматике отмечают: “В основе этих пяти классов сложноподчиненных предложений лежат отношения каузальности (в широком смысле слова), поскольку здесь одно событие является причиной возникновения другого события” [19, 810]. П. фон Поленц предлагает другую интерпретацию интересующих нас сложноподчиненных предложений. Ученый выделяет новый прагмалингвистический класс, который составляют значимые для аргументирования способы связи, а именно те, где в процессе речевого взаимодействия мы возражаем своему собеседнику (адверсативные отношения), ограничиваем своего партнера в чем-либо (рестриктивные отношения), допускаем что-либо (уступительные отношения), задаем цель (целевые отношения), делаем вывод (следственные отношения), обосновываем, мотивируем что-либо (причинные отношения), ставим условия (условные отношения) и т. д. Наиболее масштабно названные типы отношений представлены в сложноподчиненных предложениях, которые в известной мере моде-

лируют речевое поведение. Внутри данного прагмалингвистического класса, по мнению П. фон Поленца, существует особая группа предложений т. н. “Konditionalverhältnissätze”, между частями которых устанавливаются особые отношения, в основе которых лежит признак “достаточного основания” (или в немецкой терминологии eine „Bedingung – Bedingtes – Relation“), формирующей сферу обусловленности в широком понимании. В группу Konditionalverhältnissätze входят сложноподчиненные уступительные, целевые, следственные, причинные и условные предложения [7, 287].

В “Грамматике современного немецкого языка” 1995 г. рассматриваемые сложноподчиненные предложения объединяются в единый комплекс по иным основаниям: сложноподчиненные предложения, в которых при вступлении двух высказываний, являющихся содержательно и структурно законченными, в определенные отношения, между ними устанавливается тесная связь (= „das Verhaeltnis“), вычленяются в единый комплекс „Verhaeltnissätze“. Категориальная значимость этой связи не зависит от специфики главной части, но могут возникать ограничения грамматического порядка. Таким образом, в термин „Verhaeltnissatz“, предложенный П. фон Поленцем, здесь вкладывается иное содержание.

Г. Хельбиг и И. Буша, возвращаясь к концепции К.-Е. Гейдольфа, В. Флемига, В. Мотша, объединяют сложноподчиненные причинные, условные, уступительные, следственные, целевые предложения в группу причинных предложений. При этом в рамках данной группы лингвисты различают сложные предложения, выражающие причину (= Grund), условие (= Bedingung), антипричину (= Gegengrund), с одной стороны, и сложные предложения, указывающие на последствие, результат (= Folge), цель (= Zweck) [13, 607].

Как видно из приведенного краткого обзора, немецкие лингвисты в разной форме указывают на связь описываемых типов сложноподчиненных предложений. Однако возникают издержки, поскольку в одних случаях внимание акцентируется на следственных и целевых придаточных, не называющих причину, а из нее вытекающих, в других случаях остаются в стороне переходные случаи, когда внешне похожие языковые явления в соответствии с передаваемым ими содержанием относятся к разным разрядам.

В нашей работе мы, вслед за А. М. Ломовым и Р. Гусманом Тирадо, объединяем сложноподчиненные предложения, репрезентирующие причинные, условные, уступительные, целевые и следственные отношения, в блок сложнопод-

чиненных генеративных предложений, поскольку в их основании лежит одна модель: “генерирующая ситуация детерминирует генерируемую”.

Кроме того, при их анализе нами учитывается возможность или невозможность автосемантического или синсемантического употребления придаточных, оказывающая существенное влияние на репрезентацию генеративных отношений.

В сложноподчиненных предложениях с автосемантическими придаточными генерирующая ситуация интерпретируется следующим образом:

– как собственно-причинная или причинно-аргументирующая: *Er war ueberdies unruhig, weil es ihm nicht gelungen war, die Marie Krueger noch einmal wiederzusehen* – Кроме того он был взволнован, потому что ему не удалось еще раз повидаться с Марией Крюгер; *Mir kam es an diesem Abend so vor, als haekelten sich diese fortschrittlichen Katholiken aus Thomas von Aquin, Franz von Assisi, Bonaventura und Leo XIII. Lendenschurze zurecht, die natuerlich ihre Bloesse nicht deckten, denn es war keiner anwesend (außer mir), der nicht mindestens seine fuenfzehnhundert Mark im Monat verdiente* – Мне в тот вечер казалось, что прогрессивные католики вяжут набедренные повязки из текстов Фомы Аквинского, Франциска Ассизского, Бонавентуры и папы Льва XIII, но повязки, увы, не могут прикрыть их наготу, ибо все присутствующие (исключая меня) зарабатывали не менее тысячи пятисот марок чистоганом в месяц;

– как реальное или гипотетическое условие: *Er schlug sich querfeldein, nahm meilenweite Umwege in Kauf, wenn er eine noch Stunden entfernte Schwadron Reiter auf sich zukommen roch* – Он шаггал не разбирая дороги прямо через поля, делал многомильные крюки, стоило ему лишь учуять эскадрон рейтар на расстоянии нескольких часов верховой езды; *Wenn ich zu Hause waere, haette ich mit ihr sprechen muessen* – Если бы я была дома, я была бы вынуждена с ней разговаривать;

– как обстоятельство, которое приводит к реализации не ожидаемого в соответствии с логикой развития событий следствия, а следствия прямо противоположного характера: *Aber heute laeßt er mit sich reden, das sieht Berthold sogleich, und sicher wird er ihn ans Steuer lassen, trotzdem man unter achtzehn nicht chauffieren darf* – Но сегодня он в хорошем настроении, Бертольд видит это сразу; несомненно, он его и к рулю пустит, хотя не достигшим восемнадцати лет водить машину воспрещается.

Что касается сложноподчиненных целевых предложений с автосемантическими придаточными, то как цель здесь интерпретируется исклю-

чительно генерируемая ситуация: *Um meine eigene Rolle in diesen Tragoedien ein fuer allemal zu klaeren, habe ich wiederholt eine Therapie begonnen...* – Чтобы раз и навсегда выяснить свою роль в этих трагедиях, я повторно начала курса терапии...; *Wahrscheinlich haben das die Maler rausgehauen, damit ihnen die Modelle nicht weglaufen* – По всей видимости это высекли художники, чтобы от них не сбежали модели.

В сложноподчиненных предложениях с синсемантическими придаточными характер интерпретации генерирующей ситуации несколько меняется, т. е. она трактуется как:

– следствие: *Sie schnarchte, daß die Grillen vor Schreck verstummten* – Она захрапела так, что сверчки от страха онемели;

– условие: *Dass dies je in irgend einer Gattung der Vorzuege rein vorhanden waere, darf man allerdings nicht waehnen, und man wuerde der Wirklichkeit nur Gewalt anthun, wofern man Charakter – oder Sprachverschiedenheiten historisch so darstellen wollte* – Однако не следует ошибочно полагать, что это в чистом виде содержалось бы в какой-либо категории предпочтения; мы совершили бы насилие над действительностью, если бы захотели представить характер и различия в строении языков с точки зрения истории таким образом.

В сложноподчиненных целевых предложениях соответственно генерируемая ситуация интерпретируется как цель: „*Ich wollte sie ja, – sagte sie, – auf der Schule halten, wozu ich alles getan hab*“ – “Я же хотела, – сказала она, – следить за ней в школе, для чего сделала все возможное”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache / W. Jung. – Leipzig, 1967. – 518 с.
2. Deutsche Grammatik. – Bibliographisches Institut & F. A. Brockhaus AG, Mannheim, 1988 – 399с.
3. Grammatik der deutschen Sprache. – Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH Guetersloh, Muenchen, 1999 – 702с.
4. Goetze L. Valenzstrukturen deutscher Verben und Adjektive / L. Goetze. – Muenchen, 1979. – 354 с.
5. Тирадо Гусман Р. Генеративные сложноподчиненные предложения в русском языке / Р. Гусман Тирадо. – Воронеж, 1998. – 136 с.
6. Хомский Н. Синтаксические структуры / Н. Хомский // Новое в лингвистике. – 1962. – Вып. II. – С. 412-527.
7. Polenz von P. Deutsche Satzsemantik: Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens / P. von Polenz. – Berlin, New York, 1988. – 378 с.

8. Borsley R. D. Syntax-Theorie / R. D. Borsley. – Tuebingen, 1997. – 375 с.
9. Ломов А. М., Гусман Тирадо Р. Русское сложноподчиненное предложение / А. М. Ломов, Гусман Тирадо Р. // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 54-65.
10. Гулыга Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке / Е. В. Гулыга. – М.: Высшая школа, 1971. – 206 с.
11. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка / В. Г. Адмони. – Л.: Наука, 1973. – 365 с.
12. Hartung W. Die zusammengesetzten Sätze des Deutschen / W. Hartung // Studia Grammatica. – Band IV. – 1967 – 220с.
13. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch fuer den Auslaenderunterricht / G. Helbig, J. Buscha. – Berlin, 1986. – 737 с.
14. Гей Н. К. Художественность литературы. Поэтика. Стиль / Н. К. Гей. – М.: Наука, 1975. – 470 с.
15. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975.
16. Гулыга Е. В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М., 1969. – 184 с.
17. Brauner U. Temporale Satzgefuege mit einmaligem Zeitbezug im Deutschen und Italienischen / U. Brauner. – Heidelberg, 1997. – 358 с.
18. Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке / А. М. Ломов. – Воронеж, 2004. – 400 с.
19. Heidolph K. – E., Flaemig W., Motsch W. Grundzuege einer deutschen Grammatik / K.- E. Heidolph, W. Flaemig, W. Motsch. – Berlin, 1981. – 1028 с.

Рецензент – Л. В. Величкова.